

• 2017 •

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 16. 200 с.
ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-9909871-9-7

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2017.

No. 16. 200 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 16 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В работе А. М. Родионова и Н. И. Платоновой впервые проведено сравнительное трасологическое изучение нескольких групп орудий на пластинах, характерных для кремневых индустрий верхнепалеолитических стоянок Костёнки 8/II и 11/II. Статья А. В. Фрибуса и С. П. Грушина посвящена вопросам реконструкции оформления неолитического костюма в Древней Сибири. Л. Б. Кирчо публикует новые материалы начала периода позднего энеолита из раскопок Алтын-депе в Южной Туркмении. Комплексный анализ всех радиоуглеродных дат окуневской культуры проведен в работе А. В. Полякова. Статья И. С. Жушиховской посвящена изучению технологии изготовления керамики юга Дальнего Востока методом оптико-электронной микроскопии. Изучение двух кавказских фибул раннего железного века позволило Е. Е. Васильевой и М. Т. Кашубе выявить место и значение этих находок в костюме разных групп древнего населения Кавказа. Работы А. С. Намойлик, Е. В. Кузнецовой, а также Н. А. Павличенко и О. Ю. Соколовой посвящены различным аспектам анализа эпиграфических данных на артефактах античного времени. В статье Е. П. Королевой и А. Н. Егорькова изучены типология и состав стекла бус курганного могильника Восход в Белоруссии. В работе С. В. Белецкого с соавторами публикуются новые древнерусские свинцовые пломбы домонгольского времени из Курска. Научная биография А. А. Иессена — выдающегося исследователя древностей Кавказа, написана В. А. Алёшкиным для раздела «Из истории науки». В разделе «Хроника» В. Я. Стёганцевой дана информация о Круглом столе, проведенном в 2016 г. и посвященном 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко. Юбилею выдающегося исследователя Русского Севера О. В. Овсянникова посвящена статья А. Е. Мусина с соавторами в разделе «Персоналии». Издание адресовано археологам, культуuroлогам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 16th issue of the «Transactions of IHMC RAS» contains papers dealing with the newest discoveries and investigations in archaeology and ancient history. A. M. Rodionov and N. I. Platonova present the first results of the traceological study of several groups of blade tools typical of the Upper Paleolithic flint assemblages of Kostenki 8/II and 11/II. The paper by A. V. Fribus and S. P. Grushin is devoted to the reconstruction of a Neolithic costume from Siberia. L. B. Kircho introduces new Late Eneolithic materials from the excavations of Altyn-depe in South Turkmenistan. A. V. Polyakov's paper deals with the complex analysis of radiocarbon dates available for the Okunev culture. The work by I. S. Zhushchikhovskaya is devoted to the study of pottery manufacturing technology in the south of the Far East with the use of electron microscopy. The analysis of two Caucasian Early Iron Age fibulae allowed E. E. Vasileva and M. T. Kashuba to determine the place and role of these objects in the costume of different groups of ancient Caucasian people. The studies by A. S. Namoilik, E. V. Kuznetsova, as well as N. A. Pavlichenko with O. Yu. Sokolova are devoted to various questions associated with the analysis of epigraphic materials of the Classical period. E. P. Koroleva and A. N. Egorkov describe the typology and chemical composition of glass beads for the burial mound of Voskhod in Belarus. S. V. Beletsky with coauthors introduce new Old Russian lead seals found in Kursk and dated to the pre-Mongol time. The section «From the History of Archaeology» contains V. A. Alekshin's paper about A. A. Iessen — an outstanding researcher of Caucasian antiquities. V. Ya. Stegantseva in the chronicle section reports on the Round Table dedicated to the 80th birth anniversary of S. N. Bratchenko. The paper by A. N. Kirpichnikov, A. E. Musin, A. A. Peskova is dedicated to the jubilee of the outstanding researcher of the Russian North Oleg Ovsyannikov. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-9909871-9-7

© Институт истории материальной культуры РАН, 2017

© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. М. Родионов, Н. И. Платонова.* Сравнительный анализ
пластинчатого инвентаря культурных слоев
Костёнки 8/II и Костёнки 11/II: трасологический аспект 7
- А. В. Фрибус, С. П. Грушин.* Перья птиц в системе оформления
неолитического костюма (по материалам могильника
Чумыш-Пережат на юге Западной Сибири) 20
- Л. Б. Кирчо.* К датировке геоксюрского комплекса
(новые данные из Алтын-депе в Южной Туркмении). 35
- А. В. Поляков.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры 52
- И. С. Жутиховская.* Опыт применения электронной микроскопии
в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока 75
- Е. Е. Васильева, М. Т. Кашуба.* Разыскания по двум кавказским фибулам
раннего железного века. 92
- А. С. Намойлик.* К вопросу о ценах на гончарную продукцию
в Нимфее в V–IV вв. до н. э. 111
- Е. В. Кузнецова.* О гончарных мастерских Херсонеса Таврического,
исследованных В. В. Борисовой 118
- Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова.* Новые эпиграфические памятники
из Нимфея 128
- Е. П. Королёва, А. Н. Егорьков.* Типология и состав стекла бус
курганного могильника Восход 138
- С. В. Белецкий, Р. С. Веретюшкин, К. В. Горлов.* Свинцовые пломбы
из раскопок в Курске в 2016 г. 146

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- В. А. Алёкишин.* А. А. Иессен — выдающийся исследователь
древностей Кавказа 160

ХРОНИКА

- В. Я. Стёганцева.* Круглый стол, посвященный 80-летию
со дня рождения С. Н. Братченко 173

ПЕРСОНАЛИИ

- А. Н. Кирпичников, А. Е. Мусин, А. А. Пескова.*
Олег Овсянников: опыт творческой биографии 177
- Список сокращений 191
- Список авторов статей, опубликованных в «Записках ИИМК РАН» № 16. 196

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>A. M. Rodionov, N. I. Platonova.</i> Comparative analysis of blade products from Kostenki 8, layer II, and Kostenki 11, layer II: traceological aspect	7
<i>A. V. Fribus, S. P. Grushin.</i> Bird feathers in the makeup of a Neolithic costume (based on the materials of the Chumysh-Perekat cemetery in the south of West Siberia)	20
<i>L. B. Kircho.</i> Towards the dating of the Geoksyur complex (new data from Altyn-depe in South Turkmenistan).	35
<i>A. V. Polyakov.</i> Radiocarbon dates of the Okunev culture	52
<i>I. S. Zhushchikhovskaya.</i> Experience of using electron microscopy in the study of archaeological ceramics from the south of the Far East.	75
<i>E. E. Vasilieva, M. T. Kashuba.</i> Investigations concerning two Caucasian fibulae of the Early Iron Age	92
<i>A. S. Namoilik.</i> On the problem of pottery prices in Nymphaeum in the V–IV centuries B. C.	111
<i>E. V. Kuznetsova.</i> On the ceramic workshops of Tauric Chersonesus studied by V. V. Borisova	118
<i>N. A. Pavlichenko, O. Yu. Sokolova.</i> New epigraphic inscriptions from Nymphaeum	128
<i>E. P. Koroleva, A. N. Egor'kov.</i> Typology and chemical composition of glass beads from the Voskhod burial mound	138
<i>S. V. Beletsky, R. S. Veretyushkin, K. V. Gorlov.</i> Lead seals from the excavations in Kursk in 2016	146

FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGY

<i>V. A. Alekshin.</i> A. A. Iessen — an outstanding researcher of Caucasian antiquities	160
--	-----

CHRONICLE

<i>V. Ya. Stegantseva.</i> Round table dedicated to the 80 th birth anniversary of S. N. Bratchenko	173
--	-----

PERSONALIA

<i>A. N. Kirpichnikov, A. E. Musin, A. A. Peskova.</i> Oleg Ovsyannikov: an essay of creative biography	177
List of abbreviations	191
List of authors	196

СТАТЬИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАСТИНЧАТОГО ИНВЕНТАРЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ КОСТЁНКИ 8/II И КОСТЁНКИ 11/II: ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

А. М. РОДИОНОВ, Н. И. ПЛАТОНОВА

Ключевые слова: *верхний палеолит, граветт, кремневая индустрия, Костёнки 8/II, Костёнки 11/II, трасология, функциональный анализ.*

Кремневые индустрии Костёнки 8/II и 11/II относятся к граветтоидному технокомплексу. Несмотря на определенные хронологические различия, в индустриях обоих памятников наблюдается немало общих черт (притупливающая ретушь, прием резцового скола, микропластинки, острия на пластинах и т. д.). Однако каменный инвентарь обеих стоянок никогда не сопоставлялся с точки зрения функционального применения тех или иных типов орудий. В настоящей статье излагаются результаты впервые проведенного трасологического анализа и сравнения нескольких групп орудий на пластинах, характерных для обоих памятников. В результате выяснилось, что одни и те же типологические группы на разных памятниках, при всем сходстве внешнего облика инвентаря, не закрепляют за собой одинаковую функцию. Их использование осуществлялось совершенно по-разному.

Краткая история исследований. Многослойные верхнепалеолитические стоянки Костёнки 8 (Тельманская) и Костёнки 11 (Аносовка 2) расположены в Костёнковско-Борщёвском районе — на высоком правом берегу Дона, в 30–35 км к югу от г. Воронежа.

Стоянка *Костёнки 8* расположена на мысу, образованном Александровским логом и его крупным отвершком — Бирючьим логом, вблизи устья Александровского лога. Памятник был открыт А. Н. Рогачёвым в 1936 г. Раскапывался П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёвым. В ходе раскопок зафиксировано пять культурных слоев

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00345а, и Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным».

(I, Ia, II, III и IV). В слоях I и II исследованы остатки палеолитических жилищ (Рогачёв 1951; 1957: 47–56; Рогачёв и др. 1982; Борисковский 1957).

В 2005 г., после 25-летнего перерыва, исследования на стоянке возобновились силами Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН (рук. М. В. Аникович, с 2013 г. — С. Н. Лисицын)². Задачей работ стало целенаправленное изучение второго культурного слоя (Костёнки 8/II), содержащего древнейшую в Костёнковско-Борщёвском районе индустрию граветтоидного технокомплекса (Аникович и др. 2008: 128–132). Раскопки велись с перерывами до 2013 г. включительно; в результате исследован участок слоя 8/II площадью около 50 м², представлявший собой жилую зону с остатками двух разновременных очагов. Его стратиграфия и микростратиграфия недавно были детально проанализированы в статье, где приведен и сводный план раскопов на стоянке за весь период исследований (Дудин и др. 2016: 41–50, рис. 1).

Стоянка *Костёнки II* была открыта А. Н. Рогачёвым в 1951 г. (Рогачёв 1953). Она расположена в приустьевой части Аносова лога. Вблизи устья (около 0,3 км от впадения в пойму Дона) лог разветвляется на два отвершка. Левый из них имеет протяженность 0,8 км. Длина правого отвершка — собственно Аносова лога — более 2 км. Их разветвление образует пологий центральный мыс протяженностью около 250 м и шириной в средней части до 90 м, на котором и расположена стоянка. Предполагаемая площадь культурных отложений на мысу составляет около 10 000 м².

Полевые исследования на Костёнках 11 велись с 1951 по 1975 г. (с перерывами) под руководством А. Н. Рогачёва. В результате была выстроена культурно-стратиграфическая колонка, включавшая слои Ia, Ib, II, III, IV, V. Еще один участок с культурными остатками, выпадавший из общей системы, был зафиксирован на северном краю мыса (Северный пункт) (Рогачёв, Попов 1982). Всего за период 1950–1970-х гг. на Аносовке 2 оказалось вскрыто 625 м². Тем не менее, в начале 1980-х гг. исследователи определяли памятник как «малоизученный» (Там же: 116). Причиной тому стала музеефикация жилища верхнего культурного слоя Ia (строительство над ним здания музея и благоустройство прилегающих участков). Поэтому на значительной части стоянки оказались вскрыты только верхние культурные напластования, а с середины 1970-х гг. все исследования Костёнок 11 были надолго прекращены.

Поселение культурного слоя II представлено в раскопках 1950–1970-х гг. остатками двух наземных жилищ, выраженных локальными, четко очерченными линзами гумусированности, включенными в толщу лессовидного суглинки. В линзах наблюдалась высокая концентрация культурных остатков, а также выраженные скопления очажной массы в средней части (Там же: 125). Характерные культурные остатки II слоя обнаружены на гребне, на южном и северном склонах оконечности мыса.

² Держателями Открытых листов в ходе работ на Костёнках 8 в 2005–2013 гг. являлись сотрудники Музея-заповедника «Костёнки» В. В. Попов, А. Ю. Пустовалов и А. Е. Дудин, самостоятельно представлявшие полевые отчеты.

Для проведения комплексного изучения северного и среднего (западного) участков склона мыса в 2003–2004 гг. работы на памятнике были возобновлены Костёнокско-Борщёвской археологической экспедицией ИИМК РАН (Попов и др. 2004). В ходе этих работ культурные остатки Северного пункта впервые удалось зафиксировать в относительной близости к гребню мыса и определить условия их залегания в стратиграфической колонке памятника. Однако материалы слоя Костёнки 11/II в раскопах 2003 и 2004 гг. оказались представлены лишь единичными находками, при полном отсутствии структур. Стратиграфия и характер отложений на обоих участках не дали возможности отобрать образцы на аналитику.

Хронология. Возраст поселения Костёнки 8/II, как правило, оценивается в диапазоне 28–27 тыс. л. н., на основании радиоуглеродной даты $27\,700 \pm 750$ л. н. (GrN-10509), полученной по древесному углю (Радиоуглеродная хронология... 1997: 28–29, 50). По материалам старых раскопок для слоя 8/II было получено также две более молодые даты (по кости лошади и фрагментам обожженного черепа человека): $24\,500 \pm 450$ л. н. (ГИН-7999) и $23\,020 \pm 320$ л. н. (OxA-7109) (Там же).

В последние годы появилась серия новых C^{14} AMS дат: $23\,340 \pm 150$ л. н. (CURL-15816); $25\,640 \pm 210$ л. н. (CURL-15797) (Дудин и др. 2016: 49); $27\,620 \pm 270$ л. н. (OxA-30197); $27\,670 \pm 270$ л. н. (OxA-30198) (Reynolds et al. 2015: 124). Две последние даты, полученные по костям лошади и давшие между собой минимальный разброс, значительно подкрепили мнение о древнем возрасте стоянки, соответствующем началу Гренландского стадиала (GS) 5 ($32\,000$ – $31\,000$ cal BP). Хотя нельзя полностью исключать, что датировки $\sim 28\,000$ – $27\,000$ и $\sim 25\,000$ – $23\,000$ л. н. относятся к разным, наложившимся друг на друга и сильно «спрессованным» в слое комплексам культурных остатков (Дудин и др. 2016: 50). Отметим также, что калиброванные значения полученных новых датировок Костёнок 8/II разнятся между собой не так сильно, как конвенциональные³.

Для культурного слоя Костёнки 11/II по старым материалам получены две радиоуглеродные даты, имеющие большой разброс. Дата по кости — $15\,200 \pm 300$ л. н. (TA-34); дата по костному углю — $21\,800 \pm 200$ л. н. (ГИН-2531) (Радиоуглеродная хронология... 1997: 49). Первая представляется явно омоложенной: ее значение «входит в основную серию дат, полученную для вышележащего культурного слоя Костёнки 11/Ia» (Аникович и др. 2008: 201). Вторая дата традиционно считается надежной, так как к тому же хронологическому диапазону $\sim 22\,000$ – $21\,000$ л. н. относятся две даты, полученные для культурного слоя Костёнки 21/III (Радиоуглеродная хронология... 1997: 49). А этот памятник рассматривается как самая близкая аналогия Костёнкам 11/II.

Однако проблема хронологии Костёнок 11/II дополнительно осложняется тем, что диапазон датировок, полученных для нижележащего слоя Костёнки 11/III,

³ Калиброванное значение даты CURL-15797, полученной по образцу, взятому Дж. Ф. Хоффеком, составляет $30\,709 \pm 395$ (Hoffecker, Holliday 2014: 144). Калиброванное значение дат OxA-30197 и OxA-30198, полученных по образцам, взятым Н. Рейнольдс, составляет $\sim 32\,000$ – $31\,000$ л. н. (Reynolds et al. 2015: 124).

также установлен в пределах ~22 000–20 000 л. н. (Там же). Остается надеяться, что новые исследования стоянки, ведущиеся А. Е. Дудиным с 2013 г., как-то скорректируют представления о ее стратиграфии и хронологии. Но пока говорить об этом преждевременно.

Кремневые индустрии Костёнки 8/II и 11/II: характеристика и культурная принадлежность. Культурный слой Костёнки 8/II отличается по характеру инвентаря от всех синхронных индустрий региона, являясь древнейшим типично граветтоидным памятником Костёнковско-Борщёвского района. Индустрия поражает своим разнообразием, богатством, высокой техникой расщепления и вторичной обработки кремня. Техника первичного раскалывания типично призматическая, пластины узкие, тонкие, с «правильной» огранкой спинки. Широко использовали микропластинки, снимавшиеся с вторичных ядрищ. Характерна предельная утилизация сырья, а также высокий процент сломанных и намеренно разбитых изделий.

В ходе обобщения материалов стоянки Костёнки 11 на рубеже 1970–1980-х гг. неоднократно отмечалось типологическое сходство индустрии Костёнки 11/II с материалами других стоянок — культурных слоев Костёнки 21/III и Костёнки 5/III (последний — слабо исследован) (Рогачёв, Попов 1979: 85; Попов 1983: 12; Иванова 1985; и др.). А. Н. Рогачёв и М. В. Аникович определили жилые остатки на стоянках Костёнки 11/II и 21/III как «жилища аносовско-гмелинского типа» (Рогачёв, Аникович 1984: 195).

Техника первичного расщепления здесь призматическая. Основными приемами вторичной обработки являлись дорсальная крутая и вертикальная ретушь, срезающая край и конец пластины, плоская ретушь, резцовый скол. Прием чешуйчатой подтески применялся редко. Характерной деталью является почти полное отсутствие отщепов с ретушью и орудий на отщепах. Коллекция II культурного слоя Костёнок 11 насчитывает более 16 500 предметов; из них более 900 имеют вторичную обработку.

Таким образом, кремневые индустрии Костёнки 11/II и Костёнки 8/II представлены, прежде всего, продуктами пластинчатого призматического расщепления, а также специфическими отходами, сопровождавшими данный вариант получения пластин. В индустриях обоих памятников во вторичной обработке использовалась как притупляющая ретушь, так и прием резцового скола. Резцовые сколы, микропластинки, острия на пластинах являются характерными чертами индустрий рассматриваемых стоянок. При этом Костёнки 8/II относится к классическому раннему граветту, а Костёнки 11/II был отнесен рядом исследователей к аносовско-гмелинской археологической культуре (Аникович и др. 2008).

Функциональный анализ и сравнение индустрий Костёнки 8/II и Костёнки 11/II. Сопоставление функционального применения тех или иных типов каменных орудий обеих стоянок никогда не проводилось. Наибольший интерес представляют орудия на пластинах, характерные для обоих памятников. Группы

этих орудий были подвергнуты нами трасологическому анализу, сравнение результатов приведено в таблице:

Т а б л и ц а

**Основные типы орудий памятников Костёнки 8/II и Костёнки 11/II,
подвергнутые трасологическому анализу**

Типы артефактов	Стоянки	Костёнки 11/II	Костёнки 8/II
Скребки на пластинах или фрагментах пластин		7	3
Резцы на пластинах или фрагментах пластин		25	31
Пластины и фрагменты пластин с ретушью или со следами утилизации		63	59
Резцовые сколы		11	25
Острия на резцовых сколах		—	16
Микропластинки		8	28

Трасологический анализ пластинчатого инвентаря стоянки **Костёнки 11/II** дал следующие результаты.

Скребки. Из семи скребков микропризнаки имеют только два, причем следов от работы по коже (казалось бы, наиболее характерного материала для использования скребка) не зафиксировано. Следы на рабочем лезвии одного скребка были интерпретированы как следы обработки дерева (рис. 1, 1, 2). Возможно, в контексте рассматриваемой индустрии памятника «скребок» существовал только как типологическая единица, а не как специфическое орудие для обработки кожи. Причем оказалось, что зачастую при работе скребком по дереву использовали не только скребковое окончание, но и боковые стороны пластины, что по кинематике и направлению движения больше напоминает работу скобелем.

Резцы. Многие резцы являлись комбинированными орудиями (рис. 2, 2, 3, 4, 7) так как в ряде случаев резцовое лезвие являлось окончанием скребковой или скоблевидной кромки орудия. Из 25 проанализированных скребков 12 имеют макропризнаки утилизации, но какие-либо заполировки или другие микропризнаки износа удалось проследить только на трех резцах. Следы на резцах достаточно слабые и невнятные, что, скорее всего, связано с непродолжительным временем использования орудий (рис. 1, 3). Определить, какой именно материал обрабатывали данными резцами, пока не удалось.

Пластины. Всего было проанализировано 63 пластины — 27 целых и фрагменты, которые имеют макропризнаки утилизации рабочих лезвий. Трасологическое исследование целых пластин показало, что 18 из них имели следы от работы по мягкому органическому материалу, прежде всего, по мясу (рис. 1, 4). Ничего подобного при изучении фрагментов пластин не выявлено. Исходя из этого можно сделать вывод, что пластины на памятнике Костёнки 11/II имели специализированную

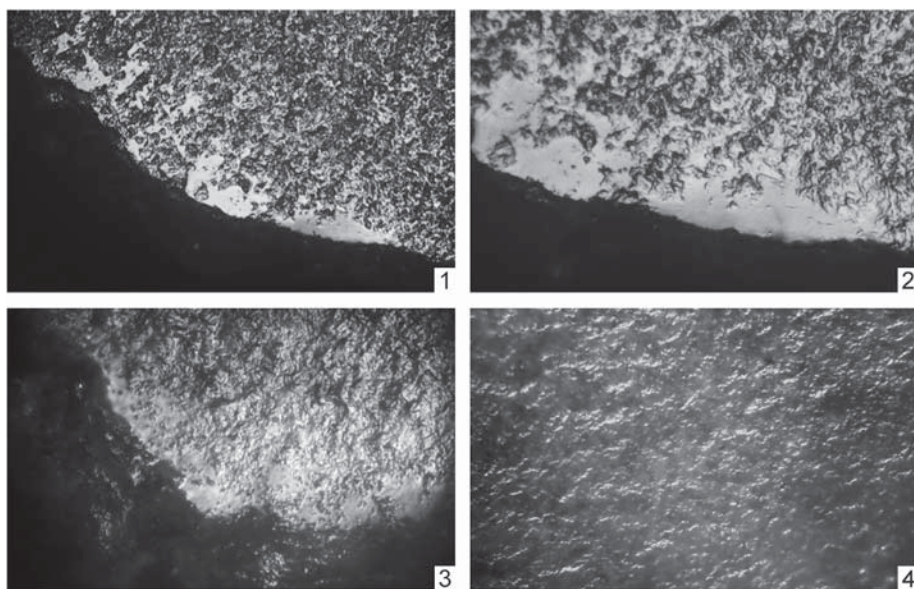

Рис. 1. Стоянка Костёнки 11/II, микроследы на пластинчатом инвентаре: 1, 2 — следы от работы по дереву на рабочем лезвии концевого скребка; 3 — слабо сформированные следы на кромке резца; 4 — следы от разделки мяса на пластине. Увеличение: 1 — $\times 40$; 2, 3 — $\times 200$; 4 — $\times 100$

Fig. 1. Kostenki 11/II, microtraces on blade tools: 1, 2 — wood working traces on the working edge of an endscraper; 3 — weakly expressed traces on a burin facet; 4 — meat cutting traces on a blade. Magnification: 1 — $\times 40$; 2, 3 — $\times 200$; 4 — $\times 100$

направленность, и, скорее всего, преднамеренно выбирались еще на стадии заготовок. Заготовки, не прошедшие отбор, направляли на изготовление других орудий — скребков, резцов, скобелей и т. д.

Резцовые сколы и микропластинки — побочные продукты изготовления резцов, при трасологическом изучении никаких результатов не дали.

Стоит заметить одну тенденцию, наблюдаемую для всего пластинчатого инвентаря рассматриваемой стоянки: многие орудия, имеющие выразительные признаки макро- и микроизноса, имеют также побочные пятна заполировок, которые расположены на более выпуклых участках поверхности, гранях, ребрах, ударных бугорках. Эти побочные заполировки носят точечный, локальный характер, что может быть связано как с фиксацией их в руке или в рукояти, так и с условиями залегания в слое.

Анализ пластинчатого инвентаря стоянки **Костёнки 8/II**⁴ дал несколько другие результаты.

Скребки. Представлено всего три концевых скребка, хотя коллекция из раскопок 2013 г. достаточно многочисленна. Аналогичное явление отмечалось и при

⁴ В основу настоящего анализа положена коллекция из раскопок 2013 г., насчитывающая более 1000 кремневых артефактов.

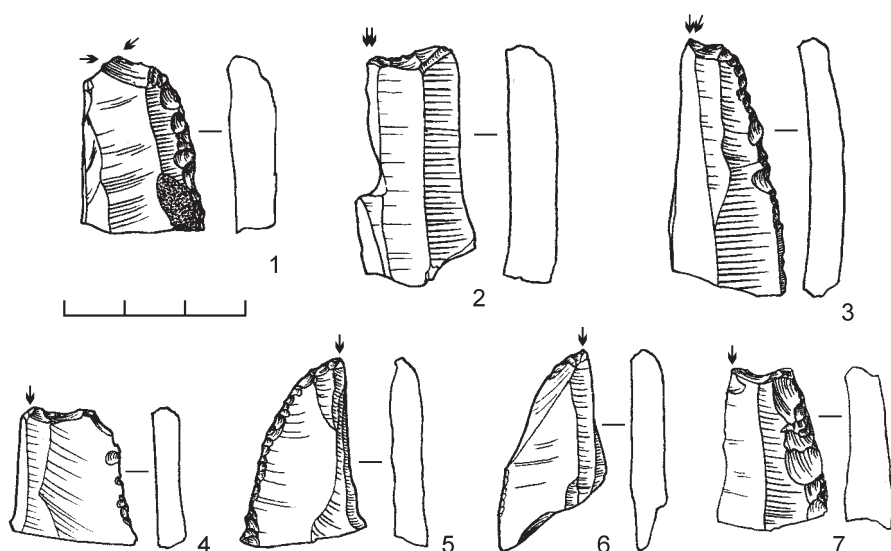

Рис. 2. Стоянка Костёнки 11/II, кремневый инвентарь: 1, 5, 6 — резцы на фрагментах пластин с ретушью; 2, 3, 4, 7 — комбинированные орудия с резцовой кромкой

Fig. 2. Kostenki 11/II, flint inventory: 1, 5, 6 — burins on retouched fragments of blades; 2, 3, 4, 7 — combined tools with burin facet

анализе коллекции из старых раскопок (Литовченко 1969). Лезвия двух скребков были преднамеренно деформированы после использования. На всех трех орудиях присутствуют следы от обработки и выделки кожи. В ходе работ на стоянке в 2005–2009 гг. коллекция кремневого инвентаря культурного слоя II пополнилась на примерно 2000 предметов, включая около 260 орудий. Кремневый инвентарь полностью идентичен материалу, полученному при исследовании стоянки под руководством А. Н. Рогачёва. Доля типологически выраженных скребковых форм в этой коллекции также невелика и составляет около 2,5 % (7 экз.) (Пустовалов, Родионов 2011). Более половины из них являются концевыми скребками на пластинах, ретушированных и не ретушированных по краям.

Резцы на пластинах (рис. 3, 5–8). Изучен 31 резец, однако следы непосредственного использования удалось зафиксировать только на одном артефакте (рис. 4, 1, 2). Вероятно, изготовление резцов не являлось преднамеренным действием. Скорее всего, пластины с ретушированным краем являлись нуклеусами для получения микроострий и микропластинок.

Пластины и фрагменты пластин (рис. 3, 9–11). Всего было изучено 59 пластин и их фрагментов, из них 18 целых. Трасологическое исследование показало, что целые пластины не несут на себе следов от какой-либо работы. Идентичные трасологические признаки встречены как на целых пластинах, так и на фрагментах. Только две пластины имеют следы от разделки туш (рис. 4, 3, 4), а еще две — использовали для скобления дерева. На одной пластине зафиксированы следы от строгания древесины.

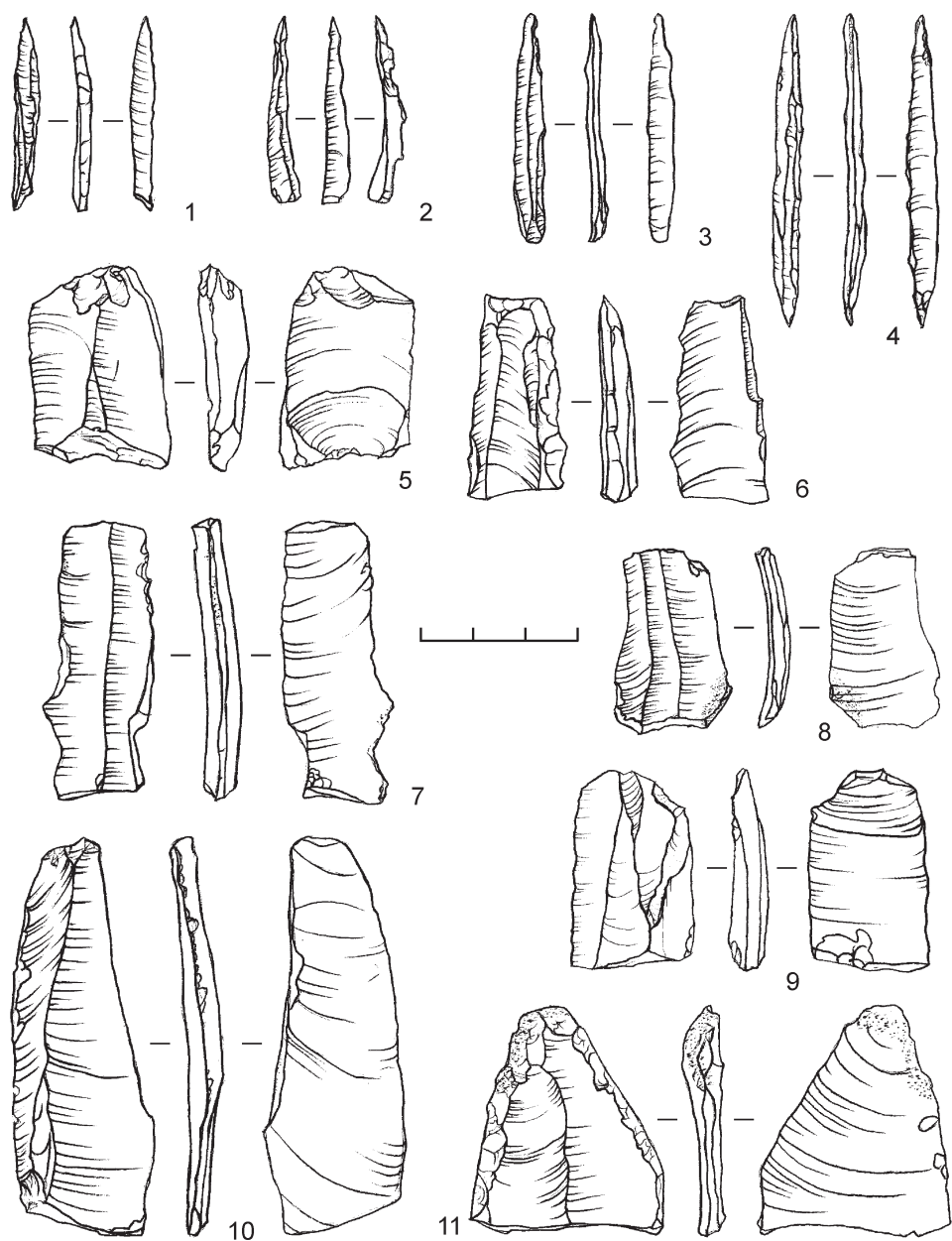

Рис. 3. Стоянка Костёнки 8/II, кремневый инвентарь: 1-4 — микропластинчатые формы; 5-8 — резцы; 10 — пластина со следами утилизации; 9, 11 — фрагменты пластин со следами вторичной обработки

Fig. 3. Kostenki 8/II, flint inventory: 1-4 — microblades; 5-8 — burins; 10 — blade with traces of utilization; 9, 11 — fragments of blades with traces of secondary treatment

Анализ микропластинок, острый (рис. 3, 1–4) и резцовых сколов показал наличие на них микропризнаков утилизации, заполировок (рис. 4, 5). Контекст расположения следов не позволяет говорить о них как о самостоятельных орудиях. Абсолютное большинство микроформ несут на своем кончике заполировки от рабочих лезвий первичных пластин, частью которых они когда-то являлись. Вероятно, ранее использованные орудия преднамеренно раскалывали, что прослеживается и на фрагментах пластин, и на скребках с умышленной вторичной деформацией рабочего края.

Заключение. Функциональный анализ основных типологических групп кремневого инвентаря позднелептостеинских стоянок Костёнки 8/II и Костёнки 11/II показывает, что одни и те же типологические группы орудий на этих памятниках,

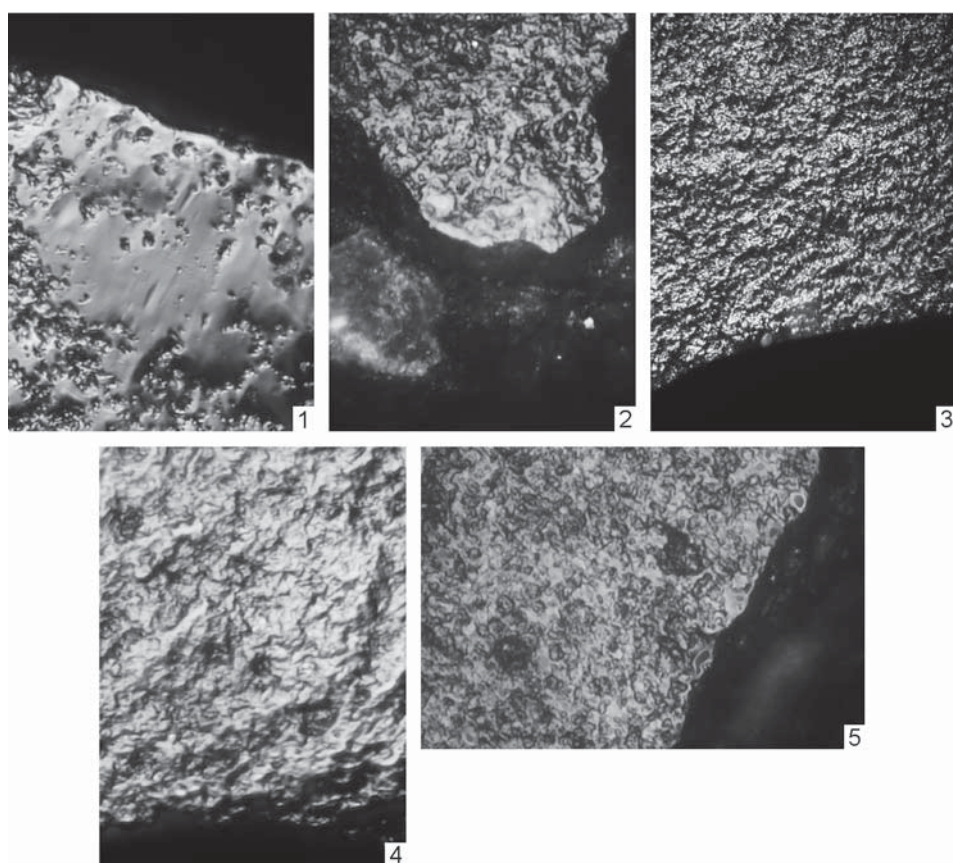

Рис. 4. Стоянка Костёнки 8/II, микроследы на пластинчатом инвентаре: 1, 2 — следы на кромке бокового резца; 3, 4 — следы от разделки мяса на фрагменте пластины; 5 — остаточные следы на микропластинке. Увеличение: 1, 4, 5 — $\times 200$; 2 — $\times 40$; 3 — $\times 100$

Fig. 4. Kostenki 8/II, microtraces on blade tools: 1, 2 — wear traces on the working edge of a truncation burin; 3, 4 — meat cutting traces on a blade fragment; 5 — residual traces on amicroblade. Magnification: 1, 4, 5 — $\times 200$; 2 — $\times 40$; 3 — $\times 100$

при всем сходстве внешнего облика каменного инвентаря, не имели единых функций. Например, на Костёнках 11/II только целые, скорее всего, преднамеренно отобранные, пластины использовали в качестве ножей для разделки мяса. В инвентаре стоянки Костёнки 8/II пластины не несут на себе следов какой-либо специализации.

Аналогичное противопоставление прослеживается и при сопоставлении скребков этих стоянок. На Костёнках 8/II скребки изготавливали непосредственно для работы с кожей. На Костёнках 11/II типологическая группа скребков вообще не несет четко закрепленной за ней функции.

Литература

Аникович и др. 2008 — Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с. (Тр. КБАЭ. Вып. 1).

Борисковский 1957 — Борисковский П. И. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. Т. 3: Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 174–190 (МИА. № 59).

Дудин и др. 2016 — Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Платонова Н. И. Второй культурный слой стоянки Костёнки-8 (Тельманская): структура, объекты микростратиграфии // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2016. Т. 15, № 3. С. 41–52.

Иванова 1985 — Иванова М. А. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1985. 17 с.

Литовченко 1969 — Литовченко Л. М. Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. 1969. № 3. С. 110–123.

Попов 1983 — Попов В. В. Анализ кремневого инвентаря стоянки Костёнки 11 (II культурный слой) // Синюк А. Т. (отв. ред.) и др. Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: Изд-во ГПИ, 1983. С. 5–13 (Известия Воронежского ГПИ. Т. 227).

Попов и др. 2004 — Попов В. В., Аникович М. В., Хоффекер Дж., Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Чернышов С. С. Костёнки 11 (Аносковка 2) // Аникович М. В., Платонова Н. И. (отв. ред.). Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж: Истоки, 2004. С. 6–17.

Радиоуглеродная хронология... 1997 — Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. 1997 / Сеницын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1997 (Археологические изыскания. Вып. 52).

Рогачёв 1951 — Рогачёв А. Н. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костёнках // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 23–29.

Рогачёв 1953 — Рогачёв А. Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 39–55 (МИА. № 39).

Рогачёв 1957 — Рогачёв А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. Т. 3: Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–134 (МИА. № 59).

Рогачёв и др. 1982 — Рогачёв А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н. Костёнки 8 (Тельманская стоянка) // Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982. С. 92–109.

Рогачёв, Попов 1979 — *Рогачёв А. Н., Попов В. В.* Костёнки 11 (Аносовка II) // Горещкий В. И. (гл. ред.). Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины: ТД к Всесоюзному совещанию, посвящ. 100-летию открытия палеолита в Костёнках (20–25 августа 1979 г.). Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1979. С. 84–87.

Рогачёв, Попов 1982 — *Рогачёв А. Н., Попов В. В.* Костёнки 11 (Аносовка 2) // Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982. С. 116–132.

Рогачёв, Аникович 1984 — *Рогачёв А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 162–271 (Археология СССР).

Пустовалов, Родионов 2011 — *Пустовалов А. Ю., Родионов А. М.* Трасологический анализ скребкового инвентаря II культурного слоя стоянки Костёнки 8 (Тельманская) // Федюнин И. В. (отв. ред.). Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Изд-во Воронежского ГПУ, 2011. Вып. 14. С. 9–12.

Hoffecker, Holliday 2014 — *Hoffecker J. F., Holliday V. T.* Landscape archaeology and the dispersal of modern humans in Eastern Europe // Васильев С. А., Ткач Е. С. (отв. ред.). Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 140–158.

Reynolds et al. 2015 — *Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G.* Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. 2015. 62. P. 121–132.

COMPARATIVE ANALYSIS OF BLADE PRODUCTS FROM KOSTENKI 8, LAYER II, AND KOSTENKI 11, LAYER II: TRACEOLOGICAL ASPECT

A. M. RODIONOV, N. I. PLATONOVA

Keywords: *Upper Paleolithic, Gravettian, flint industry, Kostenki 8/II, Kostenki 11/II, traceology, functional analysis.*

Flint industries of Kostenki 8/II and Kostenki 11/II belong to the Gravettoid technocomplex. Despite some chronological differences, the industries of both sites have much in common (blunting retouch, burin blow technique, microblades, points on blades, etc.). However, the stone assemblages of both sites have never been compared regarding functions of particular types of tools. The paper presents the results of the first traceological analysis aimed at the comparison of several groups of tools made on blades, which are characteristic of the two assemblages. It is shown that as similar as they are, typologically identical tools from different sites do not have identical functions. They were used in quite different ways.

Literature

Аникович и др. 2008 — *Anikovich M. V., Popov V. V., Platonova N. I.* Paleolit Koste'nkovsko-Borsche'vskogo rayona v kontekste verhnego paleolita Evropy [*Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo area in the context of the Upper Paleolithic of Europe*]. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2008. 304 p. (Proceedings of the Kostenki-Borshchevo Archaeological Expedition. Vol. 1) (in Russian).

Борисковский 1957 — *Boriskovsky P. I. Nekotorye voprosy razvitiya pozdnepaleoliticheskoy kul'tury' Russkoy ravniny* [Some questions of the development of the Upper Paleolithic culture on the Russian plain] // Okladnikov A. P. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. T. 3: Materialy po stratigrafii i otnositel'noy hronologii verhnego paleolita SSSR* [Paleolithic and Neolithic of the USSR. Vol. 3: Materials on the stratigraphy and relative chronology of the Upper Paleolithic of the USSR]. M.; L.: AS of the USSR, 1957. P. 174–190 (MSA. No. 59) (in Russian).

Дудин и др. 2016 — *Dudin A. E., Pustovalov A. Yu., Platonova N. I. Vtoroy kul'turny'y sloj stoyanki Koste'nki-8 (Tel'manskaya): struktura, ob'ekty mikrostratigrafii* [Second cultural layer of the Kostenki-8 site (Telmanskaya): structure and objects of microstratigraphy] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk SU. Series: History, philology]. 2016. Vol. 15, no. 3. P. 41–52 (in Russian).

Иванова 1985 — *Ivanova M. A. Struktura Gmelinskogo paleoliticheskogo poseleniya (po rezul'tatam planigraficheskogo i tipologicheskogo analiza kremneвого inventarya)* [Structure of the Gmelin Paleolithic settlement (based on the spatial and typological analysis of stone inventory)]; Abstract of Candidate of History thesis. L., 1985. 17 p. (in Russian).

Литовченко 1969 — *Litovchenko L. M. Tel'manskaya paleoliticheskaya stoyanka (II kul'turny'y sloj)* [Telmanskaya Paleolithic site (cultural layer II)] // SA. 1969. No. 3. P. 110–123.

Попов 1983 — *Popov V. V. Analiz kremneвого inventarya stoyanki Koste'nki 11 (II kul'turny'y sloj)* [Analysis of flint inventory of the Kostenki 11 site (cultural layer II)] // Sinyuk A. T. (ed.). *Drevnie pamyatniki na territorii Vostochnoy Evropy* [Ancient sites on the territory of East Europe]. Voronezh: State Pedagogical Institute, 1983. P. 5–13 (News of Voronezh State Pedagogical Institute. Vol. 227) (in Russian).

Попов и др. 2004 — *Popov V. V., Anikovich M. V., Hoffecker J., Dudin A. E., Pustovalov A. Yu., Chernyshov S. S. Koste'nki 11 (Anosovka 2)* [Kostenki 11 (Anosovka 2)] // Anikovich M. V., Platonova N. I. (eds.). *Koste'nki i rannaya pora verhnego paleolita Evrazii: obsch'ee i lokal'noe* [Kostenki and the early stage of the Upper Paleolithic of Eurasia: common and local traits]. Voronezh: Istoki, 2004. P. 6–17 (in Russian).

Радиоуглеродная хронология... 1997 — *Radiouglerodnaya hronologiya paleolita Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii. Problemy i perspektivy. 1997* [Radiocarbon chronology of the Paleolithic of East Europe and North Asia. Problems and perspectives. 1997] / Sinityn A. A., Praslov N. D. (eds.). St. Petersburg: IHMC RAS, 1997 (Archaeological investigations. Vol. 52) (in Russian).

Рогачёв 1951 — *Rogachev A. N. O nijnem sloe kul'turnykh ostatkov Tel'manskoy stoyanki v Koste'nikah* [About the lower layer of cultural remains on the Telmanskaya site at Kostenki] // BСIHMC. 1951. Vol. 37. P. 23–29 (in Russian).

Рогачёв 1953 — *Rogachev A. N. Novye dannye o stratigrafii verhnego paleolita Vostochno-Evropeyskoy ravniny* [New data on the stratigraphy of the Upper Paleolithic of the East European Plain] // Okladnikov A. P. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. T. 2* [Paleolithic and Neolithic of the USSR. Vol. 2]. M.; L.: AS of the USSR, 1953. P. 39–55 (MSA. No. 39) (in Russian).

Рогачёв 1957 — *Rogachev A. N. Mnogosloynnye stoyanki Kostenkovsko-Borsch'evskogo rayona i problema razvitiya kul'tury v e'pohu verhnego paleolita na Russkoy ravnine* [Multilayered sites of the Kostenki-Borshchevo area and the problem of the development of culture in the Upper Paleolithic of the Russian Plain] // Okladnikov A. P. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. T. 3: Materialy po stratigrafii i otnositel'noy hronologii verhnego paleolita SSSR* [Paleolithic and Neolithic of the USSR. Vol. 3: Materials on the stratigraphy and relative chronology of the Upper Paleolithic of the USSR]. M.; L.: AS of the USSR, 1957. P. 9–134 (MSA. No. 59) (in Russian).

Рогачёв и др. 1982 — *Rogachev A. N., Anikovich M. V., Dmitrieva T. N. Koste'nki 8 (Tel'manskaya stoyanka)* [Kostenki 8 (Telmanskaya site)] // Praslov N. D., Rogachev A. N. (eds.). *Paleolit Koste'nikovsko-Borsche'vskogo rayona na Donu. 1879–1979* [Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo area on the Don. 1879–1979]. L.: Nauka, 1982. P. 92–109 (in Russian).

Рогачёв, Попов 1979 — *Rogachev A. N., Popov V. V. Koste'nki 11 (Anosovka II)* [Kostenki 11 (Anosovka II)] // Goretzky V. I. (ed.). *Verhniy pleystocen i razvitie paleoliticheskoy kul'tury v centre Russkoy ravniny* [Upper Pleistocene and the development of the Paleolithic culture in the center of

the Russian Plain: Abstracts of papers presented at the All-Union conference dedicated to the 100th anniversary of the discovery of Paleolithic at Kostenki (20–25 August 1979)]. Voronezh: Voronezh SU, 1979. P. 84–87 (in Russian).

Рогачёв, Попов 1982 — *Rogachev A. N., Popov V. V.* Kostenki 11 (Anosovka 2) // Praslov N. D., Rogachev A. N. (eds.). *Paleolit Koste'nikovsko-Borsche'vskogo rayona na Donu. 1879–1979* [*Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo area on the Don. 1879–1979*]. L.: Nauka, 1982. P. 116–132 (in Russian).

Рогачёв, Аникович 1984 — *Rogachev A. N., Anikovich M. V.* Pozdний paleolit Russkoy ravniny i Kryma [*Late Paleolithic of the Russian Plain and Crimea*] // Boriskovsky P. I. (ed.). *Paleolit SSSR* [*Paleolithic of the USSR*]. M.: Nauka, 1984. P. 162–271 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Пустовалов, Родионов 2011 — *Pustovalov O. Yu., Rodionov A. M.* Trasologicheskiy analiz skrebkovogo inventarya II kul'turnogo sloya stoyanki Koste'unki 8 (Tel'manskaya) [*Traceological analysis of endscrapers from cultural layer II of Kostenki 8 (Telmanskaya)*] // Fedyunin I. V. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy* [*Archaeological sites of East Europe*]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2011. Vol. 14. P. 9–12 (in Russian).

Hoffecker, Holliday 2014 — *Hoffecker J. F., Holliday V. T.* Landscape archaeology and the dispersal of modern humans in Eastern Europe // Vasiliev S. A., Tkach E. S. (eds.). *Verhniy paleolit Severnoy Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, tradicii* [*Upper Paleolithic of North Eurasia and America: sites, cultures, traditions*]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2014. P. 140–158.

Reynolds et al. 2015 — *Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G.* Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. 2015. 62. P. 121–132.